АЗИЯ 26.11.2026 | Кристина Маагс

Старение подталкивает к наступлению

Китай стареет, Европа надеется на облегчение. Это опасная ошибка – демографический кризис только усиливает экономическую конкуренцию.

Все говорят о «демографическом кризисе» в Китае. Медиа рассказывают об огромных проблемах, с которыми сталкивается Пекин из-за стремительного старения населения: возрастание социальных расходов, спад экономической активности и потребления. Сторонники теории Peak China утверждают, что Китай вопреки первоначальным прогнозам, возможно, никогда не станет самой мощной экономикой вместо США. В то же время есть мнение, что Европа лучше подготовлена ⊠⊠к демографическим изменениям. На первый взгляд – хороший повод для злорадства.

Но надеяться из-за этого на ослабление конкуренции со стороны Китая не стоит. Скорее будет наоборот: старение населения увеличивает давление на китайское правительство, заставляя его проводить структурную перестройку экономики и дальше продвигать свою агрессивную промышленную политику. Это будет иметь прямые последствия для европейской промышленности. То есть демографические проблемы Китая могут стать экономическими проблемами Европы.

Экономическая модель Пекина уже многие десятилетия базируется на управляемых государством инвестициях в строительную отрасль и производстве на экспорт, это две основные движущие силы китайской экономики. Китай постепенно развивает систему социального обеспечения, но она защищает лишь частично, и то в основном городской средний класс. Поскольку многие семьи до сих пор вынуждены откладывать деньги на образование, недвижимость, здравоохранение и уход за пожилыми людьми, внутреннее потребление в Китае составляет всего 38 процентов ВВП (по сравнению со среднемировым показателем 60 процентов).

Пекин уже давно пытается реформировать социальную систему и

переориентировать экономику на потребление, но пока это не удается из-за последствий той модели, которая базируется на инвестициях. Две движущие силы китайской экономики создают огромные избыточные производственные мощности. Однако снижение глобального спроса из-за финансового кризиса, а также продолжающиеся с 2015 года торговые конфликты усложнили экспорт. Дополнительно усугубляют экономическую ситуацию кризис на рынке недвижимости и высокий уровень безработицы среди молодежи.

В то время как в Германии рождаемость составляет 1,4 ребенка на женщину, в Китае она упала до 1,0

Демографические конфигурации еще больше ограничивают способности Пекина. Китай стареет гораздо быстрее, чем Европа, и при этом имеет сравнительно низкий уровень доходов. В то время как в Германии, одной из старейших стран Европы, рождаемость составляет 1,4 ребенка на женщину, в Китае она упала до 1,0. Даже переход к «политике двух детей», а впоследствии и трех, не остановил падения. Кроме того, Китай не делает ставку на иммиграцию из-за границы. Последствия для рынка труда значительны: если раньше на одного пенсионера приходилось пять человек трудоспособного возраста, то, по прогнозам, через 25 лет будет всего 1,6.

Старение населения уже сейчас создает огромное давление на пенсионную и медицинскую системы Китая. Уже в 2035 году средства основной пенсионной системы для работников могут иссякнуть. Правда, в 2024-м правительство впервые за десятилетие повысило пенсионный возраст: для женщин с 50 до 55-58 лет, а для мужчин – с 60 до 63 лет. Но для того, чтобы эти реформы дали свои плоды, необходимо много времени. И даже тогда они смогут только облегчить финансовое бремя, а не устранить. К этому добавляется высокая заболеваемость: около 91 процента смертей в Китае связано с хроническими заболеваниями (в мире – 74 процента). Это приводит к огромным частным и государственным расходам на здравоохранение. Таким образом, Пекин уже сейчас вынужден перенаправлять больше ресурсов в социальную систему – именно тех, которые необходимы для стимулирования экономики.

Кроме того, старение населения еще больше тормозит и без того слабое внутреннее потребление. По мнению ученых, именно демографические изменения становятся причиной около 50

процентов склонности китайских семей к сбережениям. Китаю грозит «долгосрочная стагнация» – длительный период экономического застоя с низким уровнем потребления и высоким уровнем сбережений, что тормозит инвестиции. То есть ситуация, похожая на японскую. Времени у Пекина мало. А пока демографическая нагрузка не стала критической, правительство должно держать промышленные двигатели на полной мощности. Иными словами, демографический кризис не заставляет Пекин отступать, а, напротив, придает его промышленной политике дополнительный импульс.

Чтобы избежать длительной стагнации, Пекин делает ставку на масштабное технологическое обновление. В будущем, на фоне нехватки трудоспособного населения, поддерживать производство должны промышленные работы. Также робототехника и цифровые технологии должны сделать более эффективными и менее зависимыми от персонала уход за пожилыми людьми и медицинское обслуживание. Кроме того, с 2016 года Пекин целенаправленно поддерживает так называемую *Silver Economy* – рынок товаров и услуг для пожилых людей. По прогнозам, к 2035 году его объем должен возрасти примерно до 30 триллионов юаней (около 3,9 триллиона евро) и открыть новые возможности для потребления.

Но эти меры решают проблему лишь частично. Хотя *Silver Economy* растет, существует риск, что воспользоваться его предложениями смогут прежде всего представители верхнего среднего и высшего классов. Поэтому старение населения может еще больше усилить социальное неравенство и напряжение. Кроме того, автоматизация производства не решает проблему избыточных производственных мощностей. Поэтому китайские предприятия вынуждены и дальше реализовывать свою продукцию на мировом рынке, при необходимости даже по демпинговым ценам.

В это время демографический кризис Китая становится проблемой для Европы. Попытка Пекина стабилизировать свою экономику, усилив ориентацию на экспорт, грозит еще большим обострением «китайского шока 2.0». Эксперты по торговле уже давно наблюдают рост объема дешевых экспортных товаров из Китая, и не только в сфере низких технологий, но все чаще в высокотехнологичных отраслях, таких как автомобильная промышленность, возобновляемые источники энергии и промышленная робототехника.

Для европейской промышленности это двойная нагрузка. Низкие цены на китайские товары не только уменьшают прибыль

европейских предприятий и усиливают конкуренцию, но и усложняют инвестиции в цифровые и зеленые технологии, которые в долгосрочной перспективе могли бы повысить конкурентоспособность Европы. Пекин же, вероятно, будет и дальше реализовывать свою промышленную политику, чтобы предотвратить экономическую стагнацию и сохранить политическую легитимность. Следовательно, старение населения Китая, его промышленная политика и усиливающееся конкурентное давление на Европу тесно связаны между собой.

Европа должна отреагировать на эти изменения гибкой стратегией. Защитных пошлин и ограничений на импорт недостаточно, поскольку европейские и китайские цепи поставок тесно взаимосвязаны. Общие импортные барьеры повышают стоимость сырья европейской промышленности. Кроме того, они не останавливают китайский экспорт в важные страны Юго-Восточной Азии и Африки, откуда европейские предприятия все больше вытесняют. К тому же американские пошлины на китайские товары имели скорее контрпродуктивные последствия для США: Пекин ответил контрмерами и усложнил доступ к редкоземельным элементам.

Европе следует не просто отбиваться от нашествия китайского экспорта, а целенаправленно использовать затруднительное положение Пекина

Снижение рисков – важный шаг, но не панацея. Такие стратегии, как «Китай+1», необходимы для уменьшения зависимости в долгосрочной перспективе. Но их реализация занимает годы и имеет ограничения: внутренний рынок Китая слишком велик, а его роль в глобальных цепях создания стоимости слишком значительна, чтобы Европа могла полностью отойти от них. Кроме того, стратегия «Китай+1» зачастую добавляет к цепям поставок дополнительные промежуточные этапы, не решая при этом проблему жесткой конкуренции.

Поэтому торговая и промышленная политика Европы должна быть более гибкой, более ориентированной на конкретные отрасли и прежде всего более активной. Европе следует не просто отбиваться от нашествия китайского экспорта, а целенаправленно использовать затруднительное положение Пекина. Это можно делать тремя способами.

Первый: поскольку Пекин нуждается в европейском рынке как

отдушине для своих избыточных производственных мощностей, Европа должна выдвигать более жесткие условия доступа, такие как передача технологий и интеллектуальной собственности или инвестиции в местные исследования и разработки. Это касается прежде всего тех отраслей, в которых Китай сейчас является технологическим лидером, например, производства аккумуляторов или зеленых технологий. Так можно было бы снизить инвестиционное давление на европейские предприятия и способствовать собственному технологическому развитию.

Второе: старение населения Китая увеличивает спрос на высококачественное медицинское и уходовое оборудование, а также на фармацевтическую продукцию. Это возможности для сотрудничества. Европейские компании могли бы сосредоточиться на этом направлении и воспользоваться стремлением Пекина стимулировать потребление в секторе ухода.

Третий: Европа должна ускорить свои инвестиции в ключевые технологии, такие как робототехника, искусственный интеллект и автоматизация, а также быстрее внедрять рекомендации отчета Драги, чтобы стать более независимой в сфере высоких технологий.

Итак, демографическое старение Китая – не повод для расслабления. Напротив, оно усиливает и без того интенсивную экономическую конкуренцию. Пекин двигается вперед именно из-за старения, а не вопреки ему, посредством субсидируемой государством экспортной кампании, что существенно усиливает давление на ключевые отрасли Европы. Поэтому Европе следует считать демографические изменения в Китае тем, чем они и есть: геоэкономической проблемой, требующей достойного и стратегически продуманного ответа.

По этой ссылке статья откроется без VPN

Кристина Маагс

Д-р Кристина Маагс (Christina Maags) – старшая преподавательница Шеффилдского университета. Ранее она преподавала в Лондонском университете SOAS, а также временно исполняла обязанности профессора политических наук по специализации «Региональные исследования: Китай /Восточная Азия» во Франкфуртском университете им. Гёте.